

Павел Герасименко
Независимый исследователь (Санкт-Петербург)
vashpasha@gmail.com

Pavel Gerasimenko
Independent scholar (Saint Petersburg)
vashpasha@gmail.com

ХАРМС НА УЛИЦЕ МАЯКОВСКОГО

KHARMS ON MAYAKOVSKY STREET

Статья посвящена монументальному портрету Даниила Хармса работы Паши Каса и Павла Мокича на скошенном угловом торце дома, где жил поэт.

Ключевые слова: Даниил Хармс, ОБЭРИУ, Паша Кас, Павел Мокич.

The article describes a mural of Daniil Kharms painted by Pasha Kas and Pavel Mokich on the corner end of the house where the poet lived.

Keywords: Daniil Kharms, OBERIU, Pasha Kas, Pavel Mokich.

В ночь на 2 февраля 2016 года известные уличные художники Паша Кас и Павел Мокич изобразили Даниила Хармса на скошенном угловом торце дома, где он жил. Появление монументального портрета писателя совпало с годовщиной со дня его смерти 2 февраля 1942 года в психиатрической больнице при тюрьме «Кресты». «Хармс вернулся домой» был очень точно назван вышедший вскоре сюжет в новостях НТВ. Авторы работы рассказывали, что от идеи до ее реализации — при поддержке куратора и художника стрит-арта Rush X — прошел примерно год. Эскиз понравился жильцам дома, был согласован с ТСЖ, и профессионально выполнен всего за одну ночь: вырезали трафарет, пригнали автовышку и нарисовали.

Для переноса в масштаб трех с лишним этажей была взята фотография писателя, обычно датируемая серединой 1930-х годов. На двойном портрете, где Хармс выделяется театрально-насупленным видом, слева за его спиной Алиса Порет — художница, близкая подруга, одновременно предмет сердечного увлечения и соратница в розыгрышах, каким было и позирование

«со специальным лицом». Фотография очень известна и часто печатается в обоих ракурсах с самого начала 1990-х гг., когда она была использована в коллаже обложки выпущенного покойным Александром Шаталовым в его издательстве «Глагол» массовым тиражом сборника *Горло бредит бритвою*.

Илл. 1. Фасад дома на улице Маяковского с изображением Даниила Хармса.

10-метровое контрастное изображение легло на стену дома невероятно удачно — перед нами Хармс, словно подсматривающий за Надеждинской улицей от угла Ковенского переуллка. Это дом, где Хармс жил вплоть до ареста 23 августа 1941 года. Именно он фигурирует в *Старухе*: «Весеннее солнце светит в окно, и я жмурюсь от его лучей. Вот оно прячется за трубу противостоящего дома, и тень от трубы бежит по крыше, перелетая улицу и ложится мне на лицо. Я вспоминаю, как вчера в это же время я сидел и писал повесть. Вот она: клетчатая бумага и на ней надпись, сделанная мелким

почерком: “Чудотворец был высокого роста”». В сентябре 1941-го здание пострадало от взрыва бомбы, и на исходе года жена Хармса Марина Малич и его друг Яков Друскин унесли отсюда чемоданчик с рукописями — так для потомков было спасено литературное наследие Хармса и его друзей-обэриутов.

Против граффити, точнее *мурала*, сразу же после его появления выступили двое известных ревнителей неприкосновенности исторического облика Петербурга — жалобу подали редактор градозащитного портала «Канонер» Дмитрий Ратников и журналист Вадим Кузьмицкий. Художникам пришлось терпеливо объяснять: «Город поддержал эту работу: мы получили очень много слов поддержки и благодарности от петербуржцев. Очевидно, что работа не портит фасад здания, очевидно и то, что работа эта нужна, чтобы сохранить память о писателе и художнике огромной величины».

Второй раз на Хармса заявили весной 2020 года — на портале «Наш Петербург» появилась анонимная жалоба от некоей «Фатимы И.». Граффити, ставшее важной туристической достопримечательностью, похвалил теперь даже директор Эрмитажа Михаил Пиотровский, живущий поблизости: «По-моему, это прекрасная картинка. Её надо отдельно защитить», — заявил он во время пресс-конференции.

Авторы петиции на портале *Change.org*, набравшей свыше 29 тысяч голосов, справедливо указывают:

«Размещенный на фасаде портрет Даниила Хармса не один год радует глаз жителей Санкт-Петербурга и туристов, является своего рода достопримечательностью, отличительной чертой жилого дома. За последние годы на улице Маяковского и соседних с ней улице Некрасова и Литейном проспекте открылось множество книжных магазинов, наш район стал одним из интеллектуальных центров города, и портрет Даниила Хармса — своего рода символ этой замечательной тенденции. Даниил Хармс был истинным ленинградцем, петербуржцем, поэтому совершенно несправедливо, что его память в городе никак не увековечена, кроме как мемориальной табличкой и небольшой улицей в Красногвардейском районе, которая названа в честь поэта. Фигура Хармса — писателя международного масштаба — могла бы стать одним из брендов Петербурга».

Предписание удалить граффити в течение года не было исполнено, и в результате в марте 2021-го был подан иск от Администрации Центрального района к правлению ТСЖ «Маяковского, 11». 26 октября он был удовлетворен решением Дзержинского районного суда (так и хочется добавить, что сохранившееся наименование органа правосудия тут очень кстати).

Словно предчувствуя решение суда, главный художник города и заместитель председателя Комитета по градостроительству и архитектуре Алексей Моор в интервью 5 октября высказался двусмысленно: «И насчет Хармса: у нас есть пункт, запрещающий размещение изображений, искусства (монументального в том числе), запрещена роспись на лицевом фасаде.

Хармс на лицевом, поэтому...». Условием для сохранения граффити неоднократно называлась согласование работы с Комитетом по градостроительству и архитектуре, который присоединился к судебному рассмотрению в качестве «третьего лица». Оказалось, законы таковы, что невозможно выдать заключение о существующем «по факту» граффити — формально чиновники рассматривают только проекты или эскизы, требуя сперва продемонстрировать пустую стену без изображения, то есть пришлось бы сначала уничтожить то, что уже есть.

Дело тянется так долго, что за сохранение граффити с Хармсом выступали последовательно оба петербургских губернатора — и Георгий Полтавченко, который упомянул о нем в городском Законодательном собрании в апреле 2016 года, и Александр Беглов, в предвыборный период положительно отреагировавший на инициативу депутата Бориса Вишневого — сейчас главного защитника этой работы, оставшегося во власти.

В полученном из канцелярии губернатора в апреле 2021 года ответе говорилось: «Исполнительные органы государственной власти Санкт-Петербурга (далее — ИОГВ) поддерживают творческое самовыражение художников и их инициативы по оформлению общественных пространств посредством нанесения на различные городские объекты и поверхности изображений в стиле граффити при условии обязательного соблюдения указанных требований и получения необходимых согласований в соответствии с действующим законодательством», — после чего предлагалось заключить мировое соглашение с ТСЖ и предоставить отсрочку для получения необходимых согласований.

Под этим документом значится имя ответственного чиновника — по иронии судьбы это Максим Мейксин, в октябре 2021 года ставший вице-губернатором по внутренней политике. Он убежден в существовании секретной американской программы «Раздор», специально финансирующей авторов граффити: «Искренне считаю, что оценивать граффити с точки зрения ценности — это провокация, которая делит общество на части. Одни говорят, что нравится, другим — нет. Американская программа “Раздор” как раз и сталкивает группы населения». Очевидно, что для уличного искусства складывается неблагоприятная конъюнктура — как и для любой *независимой* социальной деятельности в городе.

В новостройках именем Хармса назвали улицу на границе между «человейниками» и полями, но в мозгах обывателя такая популярность сыграла двоякую роль. Для них великий писатель — «сумасшедший» и «пособник фашистов», таким эхом отозвались факты из следственного дела 1941 года у далеких от культуры соотечественников.

Хармс — один из петербургских «гениев места», оказался в одной компании с Иосифом Бродским и Сергеем Довлатовым. Недаром среди публичных возмущений последнего времени — фотопортрет в технике *декали* на стене напротив дома Мурузи и открытие памятника довлатовскому фокстерьеру Глаше в саду на Загородном проспекте. Оба эти твор-

ческие акта сильно уступают эстетически точной и выразительной настенной росписи Каса и Мокича. Искусствовед и глава Отдела новейших течений Русского музея Александр Боровский, готовящий книгу о public art с советских времен до наших дней, написал в фейсбуке:

«Если граффити срубят, оно всё равно войдёт во множество текстов по городской урбанистике. Но уже — с комментариями совсем в другом тоне. Остается надеяться, что строгость законов, как всегда, компенсируется необязательностью их исполнения. В одном из первых ответов районной администрации сказано, что штукатурные работы по правилам ведутся «в рамках агротехнического периода с 15.04 по 15.10 при температуре +8...+10 °С».

Впрочем, Даниил Иванович в 1934 году уже все об этом сказал — ведь на то он и был гений!

«Петров и Комаров тянули за канат. То Петров, то Комаров. Пока один тянул, другой на всякий случай держал свободный конец каната. Маляр поднимался всё выше. В первом этаже был кооператив. Маляр поднялся до вывески и уперся ногой в букву О. В это время Комаров повис на канате и люлька с маляром остановилась против окна во втором этаже. Маляр поджал ноги, чтобы не высадить ими оконного стекла, но в это время на канате повис Петров, и маляр очутился в простенке между вторым и третьим этажом. На стене было написано мелом: «Ванька болван, а Наташка дура». — Ишь ты! — сказал маляр и покрутил головой. — И сюда ведь, черти, забрались».

Илл. 2. Юрий Шпанков. Петров и Комаров.

Приведенная выше публикация появилась в «Отделе культуры» российского издания *Republic* 28 октября 2021 года, и с тех пор нуждается в существенных дополнениях. Ко времени выхода текста *Republic* уже был внесен в список «иностранных агентов» вместе со многими другими медиа, неудобными российским властям, а после начала войны против

Украины заблокирован. Как нетрудно предположить, в изменившихся политических условиях участь *мурала* с Хармсом была предreshена, и в этом смысле событие встало для многих горожан в один ряд с фактическим закрытием Факультета свободных искусств и наук Петербургского университета и выходом России из Болонского процесса.

Субботним утром 4 июня 2022 года (подобные действия часто назначаются властями на выходные дни) с крыши дома, почти как в процитированном фрагменте хармсовских *Случаев*, спустился маляр, быстро и неаккуратно покрывший штукатуркой всё изображение, оставив видной лишь макушку писателя. Граффити Каса и Мокича просуществовало шесть с лишним лет и уже нуждалось в реставрации или подновлении, но никак не в уничтожении. «Эту работу, — написал в фейсбуке известный петербургский стрит-артист Владимир Абих, — уничтожили самым позорным способом — коряво покрасили краской другого цвета. Причем прямо под работой красуется козырек парадной обмотанный строительной сеткой, справа — балкон в аварийном состоянии, слева — отваливающаяся с карниза лепнина. Но в приоритете не ремонт здания, а закрашивание любого проявления самостоятельности и солидаризации жителей. Этот жест четко показывает, что горожане и город существуют исключительно для власти, а не наоборот».

Предполагается устроить вместо граффити видеопроекцию, которая будет работать в вечернее и ночное время, — такое решение отстаивает один из жителей дома, Даниил Петров (к слову, внук хармсовского знакомого, искусствоведа Всеволода Петрова, после войны жившего в той же квартире, где прежде жили Ювачёвы). Против выступили все, в том числе и авторы работы. «Это решение — тихое убийство памяти о Хармсе, насмешка над здравым смыслом. Они хотят уничтожить оригинал произведения искусства для того, чтобы высветить суррогат, — это абсурдно. Идея с проекцией — это всего лишь способ сбить накал от данной ситуации», — заявил художник Паша Кас.

Первоначально для проекции было выбрано фото Хармса в цилиндре и с трубкой — обработанный фрагмент другого снимка начала 1930-х. Фотография, как и использованная авторами в первоначальной росписи, тоже делалась для домашней постановки «Неравный брак», но на этот раз Хармс позировал с Татьяной Глебовой. При общей театральности двух фотокадров возникающий образ — совершенно другой: если прежде был нарисован грозный, мрачный и даже величественный поэт Петербурга, то сейчас на стене планируется показывать всем легкого и беззаботного Хармса, автора смешных стихов.

Кроме того, что использованный видеопроектор, как обычно, скоро сломается, портрет придется выбирать другой — законом запрещены реклама табака или изображение курения около школы, которая находится напротив. Как пел Александр Галич, «он вышел пять минут назад, / пошел купить табак». Остается одна надежда, которая сейчас выглядит несбыточ-

ной: после конца войны и победы демократии в «Прекрасной России Будущего» обратиться к художникам Касу и Мокичу с предложением нарисовать граффити заново. И, может быть, они не откажутся.

Илл. 3. Юрий Штапаков. Даниил Хармс. Мозаика.

Павел Герасименко

ХАРМС НА УЛИЦИ МАЈАКОВСКОГ

Резиме

Чланак је посвећен монументалном портрету Данила Хармса, рада Паше Каса и Павла Мокича, на бочном зиду куће у којој је живео песник.

Кључне речи: Данил Хармс, ОБЕРИУ, Паша Кас, Павле Мокич.